

Последняя любовь

Может, в гавани другой
Ждет нас счастье и покой...
Н.Ядринцев.

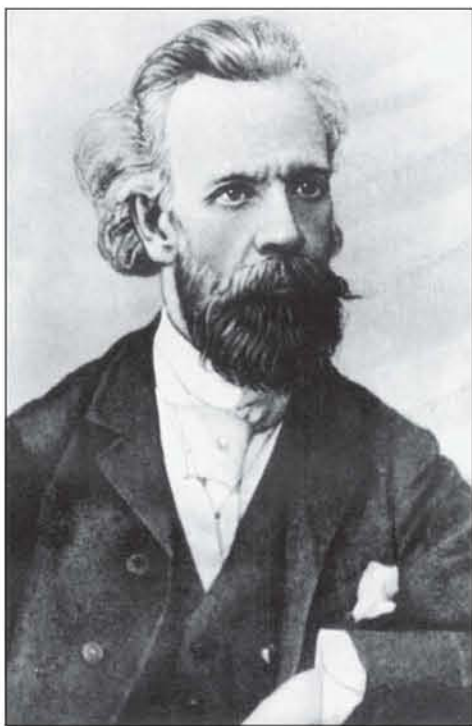
ВЕСНОЙ 1894 года Ядринцев уезжал в Барнаул, где по самоличной просьбе начальника Алтайского округа Болдырева должен был возглавить вновь созданный статистический отдел. Выбор пал на него не случайно, и генерал этого не скрывал: "Ваш авторитет, Николай Михайлович, неоспоримый. Сибирь любит вас и ждет. А в Барнауле большое дело затевается..." И, хотя статистика менее всего занимала в то время Ядринцева, согласился он без долгих колебаний, несколько даже поспешно. Да и что могло держать его в Петербурге? Холодная комната в доме Пале-Рояль, где коротал он свое одиночество? Или журнальные связи, необходимые всякому пишущему? Но таковые в последнее время заметно ослабли, а то и вовсе оборвались, усугубляя и без того шаткое положение...

Несколько месяцев назад Ядринцев побывал в Америке - присматривался, сопоставлял, особенно скрупулезно изучая постановку переселенческих дел в северных штатах, и уяснил для себя твердо: американцы, как никто другой, понимают выгоду свободной колонизации; в то время как для российского Востока - это большой вопрос. И Николай Михайлович, едва вернувшись, засел за статью, однако материал оказался столь глубок и обширен, что написать пришлось не одну, а несколько статей, в которых он горячо и решительно выступал против "трех китов", пожиривших немалые силы Сибири. Прежде всего - это штрафная колонизация (в отличие от свободной американской), во-вторых, экономическое давление метрополии (везут из Сибири пушнину да золото, а взамен отдают деревянные ложки), а в-третьих, поголовное бегство молодой сибирской интеллигенции в Центральную Россию... Тема жгучая, злободневная, статьи получились живыми и острыми, как и все, к чему прикасалось перо Ядринцева, известного публициста, общественного деятеля и адепта сибирского возрождения.

Однако ни "Русский вестник", ни "Русская мысль" статей не взяли - журналы равнодушно, с полным непониманием отнеслись к сибирским проблемам. Да только ли журналы! Ядринцев был глубоко задет, оскорблен. И с возмущением говорил своему старому другу Потанину: "Ныне развлекательные темы на первом плане, а серьезным статьям, поднимающим столь болезненные вопросы, и на задворках журнальных не находится места". Потанин утешал друга, подбадривал, говоря, что-де умных издателей в России немало, так что и статьи не останутся втуне, да и за границей его охотно печатают... Как раз тогда в Женеве готовилось повторное издание ядринцевского памфлета "Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятая назад", первое издание разошлось мгновенно. "Да, да, в Женеве меня печатают, - горестно согласился Ядринцев, - но я-то хочу издаваться в России, чтобы здесь меня читали и слышали".

Желание объяснимо: он же писал о России, о ее "величии и ничтожестве", о нуждах и бедах ее окраин. "Все, что приближало Россию к Западу... то сознано "ошибкою", - не без горькой иронии говорил он в своем памфлете. - Машина дала задний ход, и неизвестно, куда движется; теперь это поезд без разумного машиниста и с множеством тормозов, которые, однако, не предупредили крушения... Старые идеалы и иллюзии славянофильства и панславизма пали, вера славянского идеализма и русского социализма тоже утрачена; в нее не верят радикалы и ее страшатся консерваторы. Западничество оплевано, что же остается... Реставрировать идеал авторитарии, абсолютизма и священного авторитета монарха, заключающего блаженное всемогущество, беззачетное, божественную безгрешность и безошибочность? Но ведь это мифология..." - и как свежо, актуально и остро звучат слова, будто не сто лет назад, а сегодня, сейчас сказаны: "Но если Европа, живя своей жизнью и питаясь своей культурой, может забыть о существовании России, то не мешает русским людям подумать, чем стала империя, что стало с ее величием и какой исторический момент переживает она".

Нет, не услышали тогда Ядринцева - и его блистательный, острый до жгучести памфлет издавался и переиздавался только за границей. "Но ведь я писал это не для Европы, а для России", - говорил с обидой Ядринцев, находясь тогда в состоянии крайней подавленности и апатии, не зная, что делать и как выйти из тупика. Потому и воспринял он предложение генерала Болдырева как спасительный выход и ухватился за него как утопающий за соломинку... А был ли другой выход? Наверное, был. Но он считал именно этот выход для себя самым разумным, скрывая, однако, главную, истинную причину своего столь поспешного решения. Причиной же была женщина, молодая и образованная, врач из Томска Александра Семеновна Боголюбовская, которую он любил безоглядно, боготворил и

от которой, как думал, зависела вся его дальнейшая жизнь. Три года были они знакомы, три года редких встреч и долгих разлук - и вот теперь выпал случай снова встретиться и навсегда остаться вместе...

ЯДРИНЦЕВ ЭТОГО ХОТЕЛ. И тщательно готовился к отъезду. Потому и путь избрал не прямой, а кружной, прежде решив заехать на Рязанщину, в Большое Село, где в имении родственников жили его дети - пятнадцатилетний сын Лева и девятилетняя дочь Лида - и где шесть лет назад была похоронена жена Аделаида Федоровна.

Николай Михайлович прожил в Большом Селе около двух месяцев, отогревшись рядом с детьми. Да и они, соскучившись по отцовскому теплу, тянулись к нему будто зеленые ростки к солнышку... Он обещал, что, как только обустроится в Сибири, тотчас их заберет - и заживут наконец они дружной семьей. Он так мечтал об этом!..

Здесь, в Большом Селе, Ядринцев закончил начатое еще год назад дополнение к автобиографии, поставил точку. И в конце апреля уехал в Москву, надеясь застать там Потанина, попрощаться и тогда уж, благословясь, отправиться в Сибирь.

**Может, в гавани другой
Ждет нас счастье и покой...** - твердил он всю дорогу, будто заклинание, строчки давних своих стихов.

Шестнадцатого мая он уже был в Тюмени. Молодой историк-сибиревед Петр Головачев, встретив Ядринцева, был поражен его видом и позже рассказывал: "Он страшно постарел, осунулся, похудел до неузнаваемости, приобрел крайне болезненный, какой-то желтовато-зеленый цвет лица. Его апатичность, вялость я приписал дорожному утомлению..."

И странным кажется, что через несколько дней, в Томске, встретившись и проведя три вечера со своим другом, известным сибирским писателем Николаем Ивановичем Наумовым, он произвел совершенно иное впечатление. "Он был бодр, свеж, весел", - писал Наумов Потанину.

Причина же этой метаморфозы не столь и загадочна. Тотчас же по приезде в Томск Ядринцев отправляется к Боголюбовской. О чем они говорили? Сведения об этой встрече очень скупы, известно лишь одно: Ядринцев отправлялся в Барнаул переключными, на лошадах, Александра Семеновна чуть позже парохомом. Почему не вместе? - Наверное, были тому причины. Но, похоже, складывалось все хорошо. Ядринцев воспринял духом, "был бодр, свеж, весел" и напевал всю дорогу: "Может, в гавани другой ждет нас счастье и покой..." Надежды снова возвращались к нему. Казалось, жизнь делала крутой поворот.

Но жизнь шла своим чередом.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ 1842 года (31 октября по новому стилю) в Омске в семье купца Михаила Яковлевича Ядринцева и его жены Февроньи Васильевны родился первенец, названный Николаем. Ребенок был слабым, хилым, и родители боялись, что он умрет. Но Коля выжил. А летом следующего года Ядринцевы переезжают в Тобольск. Здесь, в их доме, как позже писал Николай Михайлович, собиралось "лучшее общество города, отец был знаком с декабристами Анненковым, Свистуновым и другими". Спустя четыре года пере-

ехали в Тюмень, где отец управлял частными делами по откупам. Жили хорошо. Но и здесь прожили только четыре года, затем новый переезд - теперь уже в Томск. Поселились в большом доме, рядом прекрасный сад... "Золотое детство, - ностальгически вспоминал Ядринцев. - Игры в саду и прочее миновали скоро. Меня отдали в новый пансион для подготовки в гимназию". Вскоре он и поступает в третий гимназический класс. И все идет как надо. Учится он легко. Способствует тому и семейная обстановка. Дома богатая библиотека. "Отец мой отличался умом и любил литературу... выписывал все новые книги. Мать была в эту пору с романтическими наклонностями и с расположением к мечтательности... в этой женщине тридцати лет, прекрасной, светской и даже сентиментальной, едва ли кто мог угадать ту девочку, чье детство протекало среди обстановки крепостных крестьян".

И вдруг как гром с ясного неба несчастье обрушивается на семью. Осенью 1858 года внезапно умирает отец. Большое горе как бы разом обрывает золотое детство, заставляя Николая уже другими, взрослыми глазами смотреть на жизнь. Но беда в одиночку не ходит. Два года спустя Ядринцев отправляется в Петербург поступать в университет. Февронья Васильевна сопровождает сына, полагая личным участием помочь ему на первых порах. Однако, едва доехав до Петербурга, тяжело заболевает - и вскоре умирает от тифа.

Ядринцев остается один. И на первых же самостоятельных шагах допускает глупую оплошечность. После смерти матери осталась довольно внушительная по тем временам сумма денег - около восьми тысяч рублей. Жить, как говорится, можно припеваючи. Но он их отдаст в долг едва знакомому гвардейскому офицеру, который обещает аккуратно выплачивать проценты, а когда кредитор окончит университет, получит свои деньги сполна... "И мы на эти деньги откроем в Сибири типографию и станем издавать сибирский журнал", - говорит Ядринцев новым своим друзьям, студентам-сибирякам, те остерегают его: смотри, как бы тебя этот гвардеец не надуд. Так и случилось! Потанин позже вспоминал: "Оказалось, что деньги были ужасно неудачно помещены, они пропали почти целиком..."

Пропал и след гвардейца. И трудно представить, каково бы пришлось Ядринцеву, разом потерявшему все средства, не окажись рядом новых друзей, образовавших тесный кружок сибирского землячества, - Потанина, Шашкова, Павлинова, братьев Черемшанских... Они всячески поддерживали друг друга - словом и делом. А вечерами, собираясь вместе, горячо обсуждали идею возрождения Сибири, представляя ее, ныне убогую и забитую, процветающей и богатой, подобно Америке и Австралии, рисуя видным мировым рынком, "царицей Азии". И не забывали о том, что Сибирь уже дала замечательных людей, видных деятелей - таких, как выдающийся врач Иркутский Н.А.Белоголовый, в Казани блистал даровитейший сибирский историк Шапов, а в Петербурге восходила звезда тобольского уроженца Менделеева...

Вот тогда-то, на этих земляческих сходках, в пылу горячих товарищеских дебатов, и родилась мысль о сибирском университете, которая стала для Ядринцева главенствующей на многие годы.

ОСЕНЬЮ 1861 года в ответ на "половинчатые" реформы по освобождению крестьян происходит студенческие волнения, и сибирское землячество не остается в стороне. Потанин, Шашков и еще несколько человек попадают на несколько месяцев в Петропавловскую крепость... А Ядринцев пишет в это время рецензию на книгу Завалишина "Описание Западной Сибири", касаясь все тех же "больных" вопросов, и предлагает ее братьям Достоевским в журнал "Время". А следующим летом вместе с Потаниным отправляется "с этнографической целью" по губерниям Западной России, откуда привозит первый свой сатирический фельетон "Наша любовь к народу", навеянный все теми же "половинчатыми" реформами, печатает его в газете В.Курочкина "Искра"; затем в этой же газете помещает и еще несколько острых статей, становясь постоянным автором.

Но осенью 1863 года, не возобновляя университетских занятий, вдруг срывается и (вслед за ранее уехавшим Потаниным) возвращается в Сибирь - сначала в Томск ("чтобы передать сестре часть наследства, векселя"), а затем в Омск, где его поджидал Потанин, объясняя это одним желанием: "Надо работать". И работает неустанно: проводит литературные вечера, на которых впервые публично говорит о необходимости открытия Сибирского университета, читает лекции об истории Сибири и общественной жизни сибирских городов,

знакомится со многими ссыльными поляками (позже ему это аукнется), казачьими офицерами, семинаристами... Однако лекциями сыт не будешь, и Ядринцев устраивается губернатором сына жандармского полковника Рыкачева; того самого Рыкачева, который спустя полтора года, когда Ядринцев и Потанин (они к тому времени перебрались в Томск) будут арестованы и доставлены в Омск, возглавит, по существу, следственную комиссию и лично станет допрашивать бывшего губернатора своего сына... Удивило же и потрясло Ядринцева не столь нечаянное "свидание" с полковником, сколь то, что следственная комиссия размещалась в доме, где он, Ядринцев, двадцать три года назад родился, больше того, допросы велись в той комнате, которая, судя по давним рассказам родителей, была детской... Однако обвинения им предъявили не "детские", а дело, названное столь громко - "Об отделении Сибири от России и образовании республики подобно Соединенным Штатам", - приобрело невиданный размах.

Арестованных "сепаратистов", как тогда их называли, свезли из Томска, Иркутска, Красноярска, Уральска, Москвы, Петербурга - более сорока человек. Процесс наделал шума. О нем отзывались чуть ли не все столичные газеты, писал Катков, и даже лондонский "Times" опубликовал статью. Полковник Рыкачев спрашивал главных "сепаратистов" Потанина и Ядринцева: чего же они желают Сибири, встав на путь оппозиции? И они отвечали, что желают Сибири нового гласного суда, земства, больше гласности, поощрения промышленности, равноправности инородцам... "Что тут было преступного? - говорил позже Ядринцев. - Было ли преступно горячо любить свою родину? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм".

Разместили их в старой омской крепости, в том самом "мертвом доме", где томился ранее Достоевский ("острог наш стоял на краю крепости, у самого крепостного вала"), и они в этих каменных стенах провели три года.

Наконец из Правительствующего сената пришел указ "об удалении подсудимых из Сибири с целью сделать их через то совершенно безвредными для оной" - и на подлинном собственною Его императорского величества рукою было начертано: "Быть посему". Решение было невероятным: впервые осужденных ссылали не в Сибирь, а из Сибири.

Итак: из сорока арестованных - девять было осуждено. Потанина, как главного виновника, приговорили к каторжным работам на пять лет и сослали в одну из крепостей Финляндии - Свеаборг, а Ядринцева отправили по этапу под строгий надзор полиции в отдаленный уезд Архангельской губернии - этим "уездом" оказался Шенкурск. Там Ядринцев и провел почти шесть лет, спасаясь работой. Именно в эти годы он активно сотрудничал с петербургским журналом "Дело", публикуя в нем "Письма о сибирской жизни", "Бродячее население Сибири", множество статей о "значении русской ссылки", а затем и в журнале Н.А. Некрасова "Отечественные записки" появляется его большой очерк "История одного странствия".

ВЕСНОЙ 1872 года в Петербурге, не без помощи друзей, выходит книга Ядринцева "Русская община в тюрьме и ссылке". Книга получает хорошие отзывы и широкую огласку. Достаточно сказать, что учрежденная перед тем правительственная комиссия по тюремным вопросам в своей работе в основном опиралась на три книги, пользуясь их источниками: "Записки из Мертвого дома" Ф.Достоевского, "Сибирь и каторга" С.Максимовича и "Русская община в тюрьме и ссылке" Н.Ядринцева. Эти произведения, по словам председателя комиссии графа В.А. Соллогуба, имели не только литературное, но и государственное значение...

И не случайно, как только Ядринцев был освобожден и в конце 1873 года приехал в Петербург, граф Соллогуб тотчас привлек его к работе над проектом тюремных реформ. "Граф встал сразу против ссылки как наказания, - говорил Ядринцев, - и в своем проекте процитировал всю мою книгу..."

В это же время Ядринцев знакомится с корреспонденткой "Камско-Волжской газеты" Аделаидой Федоровной Барковой, дочерью крупного золотопромышленника, умершего три года назад, и вскоре женится на ней - и проживут они вместе, душа в душу, четырнадцать счастливых лет. "Я нашел в ней товарища, друга и сотрудника... ее обширное образование, знание нескольких языков, ее характер, ее трудолюбие и усердие удваивали и утраивали общие труды наши", - вспоминал Ядринцев.

(Продолжение следует).

Иван КУДИНОВ

К 160-летию со дня рождения Н. Ядринцева

ДАЛЕКОЕ - БЛИЗКОЕ

Последняя любовь

Трудился же он в ту пору действительно с удвоенной и утроенной энергией, признаваясь позже: "Иногда так много писал статей, что мне совестно было подписываться одной своей фамилией, - и добавлял, как бы оправдываясь, - да, наконец, и смысл статей часто требовал псевдонима".

Зимой 1875 года назначается новый генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков. Ядринцева представляют ему, и генерал очаровывает Николая Михайловича. Оказывается, Казнаков и его книгу прочитал, и книгу Наумова "Сила солому ломит", и вообще живо интересовался сибирскими вопросами. "Скажите, - спрашивал он Ядринцева, - что я могу сделать для Сибири?" И Ядринцев, чуть подумав, ответил: "Способствовать, Николай Геннадьевич, открытию Сибирского университета".

Все возвращалось на круги своя - как говорится, от чего ушли, к тому и пришли! А Казнаков, кажется, даже загорелся, горячо поддерживал эту мысль, больше того, попросил Ядринцева разработать проект представления-рапорта на высочайшее имя. И вскоре проект был готов, представлен и одобрен самим государем.

Ядринцев был на седьмом небе, радовался до слез. "Ах, Адечка, - восклицал, обнимая жену, - наконец-то наша мечта сбывается!" Но радость была преждевременной - до осуществления этой мечты оставалось еще не год и не два, а целых четырнадцать лет. Но кто это мог знать?

Однажды Казнаков спросил Николая Михайловича: "А что, Ядринцев, поедете со мной? Вы любите свою Сибирь, вы так изучили ее нужды, ее вопросы, будем работать вместе". И Ядринцев согласился. "Мы продали все свое имущество, - писал он потом, - оставили уютную квартиру в Петербурге, где так покойно жилось, я взял жену, ребенка и кормилицу и привез в Сибирь".

Он ехал на родину, в Омск, где десять лет назад содержался в крепостном остроге как опасный государственный преступник и куда возвращался теперь по иронии судьбы одним из ближайших помощников генерал-губернатора.

И СНОВА - РАБОТА, РАБОТА... Статьи в журналах "Отечественные записки", "Вестник Европы", "Дело", публикации в газетах. "Он хотел обращаться к населению родного края, но так, чтоб слышно биение его сердца", - очень метко сказал о нем Потанин. В это же время в Омске, не без усилий Ядринцева, создается Западно-Сибирский отдел Русского географического общества. А летом 1878 года Николай Михайлович на средства этого общества отправляется в экспедицию на Алтай, к южной подошве Белухи. Возвращается бодрый, энергичный, переполненный новыми замыслами, публикует отчет о своем путешествии, пишет "Программу для исследования быта инородцев" и "Программу для исследования переселенцев", награждается Золотой медалью Географического общества "за изучение переселенческого движения на Алтае"... И начинает писать главную свою книгу - "Сибирь как колония".

А вопрос о Сибирском университете все еще стоит на месте, упираясь в какую-то стену. Генерал Казнаков поручает Николаю Михайловичу составить новое, более подробное и убедительное представление на высочайшее имя, и он, отложив все дела, пишет, еще не подозревая, что текст этого "представления" почти целиком войдет в одну из глав начатой книги. "Сибирь - страна еще почти непочатая в научном отношении; ученые экспедиции, отправлявшиеся туда для исследования края, успели разработать только весьма незначительную часть имеющегося в ней научного материала... Научный центр в самой Сибири дал бы возможность сосредоточенным в нем ученым силам исследовать край с большим удобством и с необходимыми для успешности работы последовательностью и постоянством, - подсказывает, а может, предсказывает Ядринцев. - Сибирь вообще крайне нуждается в людях с высшим образованием, и удовлетворить эти нужды не могут высшие учебные заведения империи... Словом, представляется настоятельная необходимость возвысить уровень образования в Сибири... что может быть достигнуто только учреждением университета в этом крае".

Заметим, что в то время, когда готовилось это представление, на пять миллионов человек, населяющих необъятные просторы Восточной и Западной Сибири, было всего лишь пять гимназий. Попытка открыть еще

две, в Омске и Тюмени, не увенчалась успехом - не хватало преподавателей. И Казнаков велел и этот поучительный пример вписать в представление, дабы сей контраст еще больше подчеркивал важность поднятого вопроса.

Полгода спустя последует очередное высочайшее повеление об открытии Сибирского университета - Александр Второй понимал значение его для всей России. И все как будто, сдвинувшись с мертвой точки, шло к тому: министерство народного просвещения даже сочло нужным указать, что для привлечения в Сибирь достойных профессоров надобно положить для оных оклады в полтора раза выше в сравнении с европейскими университетами; министер-

Редакция газеты «Восточное обозрение». Снимок 90-х годов XIX века, Иркутск. Слева направо: М. Л. Писарев, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, М. В. Загоскин, А. П. Нестеров.

ство финансов не возражало; Государственный совет поддерживал... А вопрос как стоял, так и оставался на прежнем месте. Пять лет совместных усилий Казнакова и Ядринцева оказались напрасными. Но так ли это?..

О СЕНЬЮ 1880 ГОДА Казнаков тяжело заболел, его увезли в Петербург. А новым генерал-губернатором был назначен Меншиков - полная противоположность Казнакову. "Это был шаблонный генерал, который всю свою опытность приобрел только в казарме и на маневрах, - заметил Потанин. - Такому начальнику края Ядринцевы не нужны".

Понял это и Ядринцев. И зимой, едва встретив новый 1881 год, вместе с семьей вернулся в Петербург - и не с пустыми руками. Почти завершена была книга "Сибирь как колония", а главное - окончательно созрело решение об издании большой сибирской газеты, такой, которая бы действительно стала рупором Сибири. Он уже и название придумал: "Сибирское обозрение". И с известным сибирским меценатом иркутянином Владимиром Платоновичем Сукачевым (впоследствии - головою Иркутска) договорился о значительных субсидиях, получил такую поддержку и от братьев Сибиряковых. Оставалось получить разрешение главного управления по делам печати. Эту миссию взял на себя человек авторитетный не только в ученых, но и в правительственных кругах, известный путешественник, академик, вице-председатель Русского географического общества П.П.Семенов (будущий Тянь-Шанский), однако с условием: название газеты изменить. Ядринцев удивился: почему? "Да потому, дорогой Николай Михайлович, - пояснил Семенов, - что само слово "сибирский" непременно вызовет раздражение у чиновников, поскольку пахнет оно сепаратизмом", - и тут же предложил назвать газету просто: "Восточное обозрение" - нейтрально и весомо.

Так, с легкой руки Семенова, и осталось. И разрешение на издание "Восточного обозрения", к удивлению многих и самого Ядринцева, было получено скоро. Первый номер вышел 1 апреля 1882 года и открывался статьей редактора. "Желая дать по возможности правдивую картину жизни востока в ее многообразии, - писал Ядринцев, - попытайтесь определить роль национальности на азиатском Востоке и ее общечеловеческое призвание, а также желая выразить нужды и потребности русского общества на окраине, мы предприняли издание, знакомшее европейскую Россию с Азией и Сибирью, как и обратно - жителей окраины с жизнью и развитием России..."

Таковой и оставалась газета весь петербургский период - почти шесть лет. Нелегкая, но счастливая пора в жизни Ядринцева. Одновременно с выходом первого номера газеты издается в Петербурге и книга "Сибирь как колония", не заметить которой было нельзя. (Кстати, почти через сорок лет В.И. Ульянов-Ленин, будучи в редакции газеты "Правда", познакомится с ее сотрудником Л.Н. Ядринцевым, сыном Николая

Михайловича, и скажет ему, что знал его отца. Скорее всего он имел в виду не личное знакомство, а книгу Ядринцева "Сибирь как колония", которой пользовался, несомненно, работая над своим трудом "Развитие капитализма в России").

ИЗВЕСТНОСТЬ Ядринцева как издателя, публициста и общественного деятеля становится все шире, "Восточное обозрение" с каждым годом приобретает все большее общественное значение. И не случайно в ту пору, по свидетельству современников, чиновники реакционного толка, получая высокие посты, перед отъездом к месту назначения делали визит редактору "Московских ведомостей" Каткову, ли-

бераль-ные же чиновники в подобных случаях, перед отъездом в Сибирь, непременно заглядывали к Ядринцеву...

Однако не все так ладно было, как вышло со стороны. Иначе не написал бы Николай Михайлович такое отчаянное письмо В.П. Сукачеву, в котором признавался: "Открывая газету, я мечтал соединить все литературные силы Сибири, привлечь наши таланты, дать выход научным работам по этнографии, статистике, истории Сибири, предпринять ряд изданий. Такие труды накапливаются. В среду у меня был учитель иркутский Щеглов, он привез исторический труд для издания. Так я и не мог ему послужить, он уехал. Григорий Николаевич (Потанин, -И.К.) тоже не находил выхода своим работам, статьи его по истории мифа, об инородцах лежат в редакциях и часто пропадают... Этот труженик, Гумбольдт Сибири, отправился на днях заложить и возвратит Географическому обществу свою золотую медаль, потому что жить нечем, и только мы редакционными средствами даем кое-что ему. Омлевский нищенствует, Адрианов нищенствует, как и Наумов, Шашков - без ног. А ведь это писатели молодой сибирской литературы! Здесь для обеспечения и поддержания их я думаю создать орган. А работаю пока один, не смея даже ближайших друзей сделать сотрудниками и поручить им отделы, потому что нет средств на гонорар... и добавляет с глубоким вздохом: - Но умирают литераторы, а потребность литературы не умирает, она увеличивается..."

Осенью 1887 года, уезжая в Сибирь (в качестве секретаря Иркутского отдела Географического общества), Потанин уговаривает Николая Михайловича перенести туда и "Восточное обозрение", утверждая, что издавать сибирскую газету в Петербурге не с руки. Да и положение газеты в это время было затруднительным: сукачевский фонд, из которого покрывались расходы, постепенно таял, подписка падала... А тут еще генерал-губернатор Восточной Сибири граф А.П. Игнатьев, прознав о возможности перевода газеты в Иркутск, загорелся: "Это было бы недурно".

И Ядринцев согласился. И пожалел потом не раз, говоря о том, что с переездом в Сибирь газета стала терять лицо и сделалась менее "сибирской". К тому же приехал он один, без семьи, Аделаиде Федоровне врачи отговаривали пускаться в столь дальнее путешествие, и она вместе с детьми перебралась к родственникам в Большое Село, обещая, как только сносно себя почувствует, сразу же переехать в Иркутск и, как прежде, делить с мужем все редакционные заботы...

Однако сбыться этому не суждено. Летом 1888 года, 17 июля, Аделаида Федоровна скончалась, ей было всего 33 года. И телеграмма, пришедшая через день, застала Ядринцева в тот момент, когда он писал статью "Светлые минуты" - об открытии в Томске 22 июля первого сибирского университета. Известие о смерти жены, совпавшее со столь значительным и радостным событием для Сибири, а может, и для всей России,

потрясло Ядринцева, он был убит, раздавлен и не помнит, как дописал статью. "Университетский номер составлял я с смертельной для меня телеграммой в руках, - пишет он П. Головачеву, - я должен был приветствовать университет, а сердце мое холодело".

И когда спустя три дня номер был готов, многие, прочитав статью "Светлые минуты", удивленно пожимали плечами: начато за здоровье, а кончено за упокой - слишком уж выбивалась из общего тона концовка. "Те, кто завидуют и смотрят с улыбкой на наше ликование, на наши минутные восторги, пусть будут снисходительны, ибо эти радости не часто выпадали нам... - говорит Ядринцев, не скрывая и своей радости (столько лет отдано "университетскому вопросу"), и вдруг срывается и буквально тремя строчками ниже совсем уже иной тон: - Жизнь и смерть сменялись постоянно друг друга. Тех, с кем мы делились радостями, нет. Слезы и телерь каплют на дорогие могилы, личное счастье может быть утеряно, разбито, опрокинуто навсегда, но ведь мы хоть минуту хотели жить общественными радостями, мы желали счастья другим, грядущим поколениям... Ныне отпускаешь раба твоего с миром!"

Казалось, все было потеряно, рухнула под ногами почва. "Если вас поразила смерть молодой, энергичной, отдавшей святому делу женщины, то что скажете про меня? - жалуется он своему другу доктору Семидалову. - Ведь я летел в Сибирь, думал создать здесь свое гнездо, привезти семью - и очутился один..."

Ядринцев сделался молчалив, уйдя в себя, сторонился знакомых, избегал друзей, искал успокоения в одиночестве и, не находя, все чаще стал прикладываться к рюмке... И хорошо, что рядом оказались друзья, не оставили без поддержки. Потанин, зная о давних планах Николая Михайловича - отыскать загадочный Каракурм, как-то, выбрав момент, осторожно заговорил об этом, а потом и прямо сказал: "Географическое общество готово выделить средства на эту экспедицию. Соглашайтесь".

И Ядринцев после долгих раздумий и колебаний (каково от сердца родное детище отрывать!) перепоручает газету друзьям и начинает готовиться к путешествию на Орхон. Именно там, в верховьях Орхона, как он считал, находятся развалины древней монгольской столицы, основанной Чингисханом. Время погребло под развалинами великую тайну, разгадать которую никому пока не удалось. А Ядринцев? Экспедиция продолжалась полтора месяца и завершилась открытием - он нашел эту мифическую столицу чингизидов, о которой упоминал еще Марко Поло. Здесь же, на Орхоне, Ядринцев обнаружил и снял множество рунических надписей и древнекитайских текстов. Открытие было столь велико, что оно уже вскоре принесло Ядринцеву всевропейское признание.

Осенью Николай Михайлович ненадолго заехал в Иркутск, и друзья не узнали его - так он посвежел и окреп. А в конце ноября 1889 года - он уже в Петербурге. Выступал с докладами. Отчет о путешествии на Орхон был напечатан в "Известиях Географического общества".

Затем он отправляется во Францию. Париж обдал его "опьяняющим ароматом Европы", поражая блеском дворцов и монументов, свежестью садов и бульваров, залитых по вечерам электрическим светом... "Петербург в сравнении с Парижем - губернский город", - пишет он Семидалову. А три дня спустя читает доклад на французском языке - и полный успех! Газеты сообщают о пребывании выдающегося русского путешественника-первооткрывателя. Академия устраивает в его честь пышный прием, а парламент приглашает на свое заседание... Николай Михайлович знакомится в те дни с интереснейшим человеком - инженером Александром Эйфелем, башня которого, построенная меньше года назад, царит теперь над Парижем. Вместе с Эйфелем он поднимается на смотровую площадку и, глянув с высоты, восклицает: "Отсюда виден не только Париж, но и вся Европа!"

Вернувшись в Петербург, Ядринцев тотчас, без раскачки, включается в его круговорот - и уже через несколько дней выступает на международном тюремном конгрессе с острейшим докладом "О способах долгосрочного заключения со смягчающим принципом". А потом, спустя еще несколько дней, накупив кучу подарков и всяких гостинцев, уезжает в Большое Село к детям. И там опять впрягается в работу. "Оканчиваю новые главы к старой книге", - доклавывает Потанину, имея в виду книгу "Сибирь как колония", переиздание которой готовится в Петербурге к пятидесятилетию Николая Михайловича.

(Окончание следует).

Последняя любовь

Может, в гавани другой
Ждет нас счастье и покой...
Н.Ядринцев.

ВЕСНОЙ 1891 ГОДА Россию постигло страшное бедствие - голод и холерная эпидемия среди сибирских переселенцев. И Ядринцев, не раздумывая, едет в Тюмень вместе с небольшим санитарным отрядом. Работает без устали, забывая о сне: ведет переговоры с местными чиновниками и "толстосумами" о срочной необходимости расширения переселенческих пунктов, устройстве амбулаторий, больниц, столовых, употребляя на это все силы и весь свой авторитет; вместе с врачами и санитарями, забыв о предосторожностях, обходит переселенческие таборы, отыскивая и забирая больных... А по ночам, вздув тусклый фонарь, пишет статьи для "Русских ведомостей" и "Восточного обозрения", пытаясь донести до тех, кто по долгу, если не совести, то хотя бы службы должен был предвидеть и предотвратить беду, но не сделал этого, не предпринимал и сейчас решительных мер - правительство забыло о своем народе.

А Ядринцев каждый день видел жуткую картину: тысячи и тысячи переселенцев, не имея сил двинуться дальше, живут под открытым небом, голодные, холодные, больные... И десятки, сотни умирающих ежедневно. Целая артель плотников не успевала делать гробы - покойников чуть ли не штабелями укладывали на телеги, и печальный обоз, растянувшись на версту, двигался к новому погосту, сопровождаемый стоном и причитаниями: "Господи! Неужели вечно будешь гневаться на нас, прострешь гнев твой от рода в род? Господи, яви нам милость твою, даруй спасение..."

Бог молчал. Правительство тоже молчало, не делая никаких шагов. Ядринцев пишет братьям Сибиряковым, крупнейшим сибирским золотопромышленникам и меценатам, зная о помощи, ищет средств в Тюмени, отправляет письмо, а затем и телеграмму петербургскому другу известному писателю-публицисту Глебу Успенскому, умоляя того отложить все дела и высказать свой голос в защиту страждущего народа... Одну из своих статей Ядринцев так и назвал: "Общественные похороны".

Эти похороны снились ему каждую ночь. Как будто стоит он высоко-высоко, на смотровой площадке Эйфелевой башни, и видит внизу под собою парижские дворцы и бульвары, залитые электрическим светом, а далеко в стороне, по какому-то громадному темному полю медленно движется обоз с гробами на телегах - и нет ему ни конца, ни начала, этому печальному похоронному corteжу... Иногда чудилось, что это не просто упокоенных мужиков и баб, стариков и детей российских везут на погост, а саму Россию хоронят.

И ВОТ В ТАКУЮ СУМРАЧНУЮ ИЛИ ТЯЖЕЛУЮ ПОРУ, когда, казалось, не было никакого про света, из Томска прибыл пароходом санитарный отряд во главе с врачом Боголюбской. Николай Михайлович знакомится с ней, и она его поражает необыкновенной статью своей, певучим и звучным голосом, как и ее фамилия... Тогда он еще не знал, какое место займет и какую роль сыграет в его жизни эта красивая молодая женщина.

Вскоре они поедут на Тобольщину, в глубинные Ишимский и Ялтировский уезды, где голодали сибиряки-старожилы, и проведут там вместе две недели, сблизившись окончательно... Но и тогда он еще не знал (да и не мог знать), чем все кончится.

Впереди было три года. И Ядринцеву предстояло еще совершить второе путешествие на Орхон, увидеть второе издание своей книги "Сибирь как колония", съездить в Гельсингфорс, где читал он доклады об открытии Каракорума, побывать в Чикаго... Ядринцев задумывает большую - не столько по

объему, сколько по значению - книгу "Сибирь и Америка", надеясь начать ее, а может, и завершить на Алтае.

"Я теперь занят изучением проектов поземельной реформы и вижу, как важны местные статьи с знанием дела, - пишет он И.И. Попову, своему преемнику, тогдашнему редактору "Восточного обозрения". - Великая вещь - прислушаться к местному голосу. Я верю, что патриотизм - великая сила. Она дает пищу сердцу, она дает веру. Вы должны были полюбить Сибирь, пожалеть ее, относиться к ней сердечно. Хорошо обличать, но не нужно негодовать на всю страну, на весь народ. Вот об этой любви и мягкости к народу я прошу вас. В остальном споемся".

Жарким полднем 2 июня 1894 года Ядринцев приехал в Барнаул. И остановился в доме давнего своего приятеля, бывшего ссыльного, а ныне управляющего винными откупами Якова Сулина. Ответил ему небольшую, но уютную и светлую комнату - здесь и выпало Николаю Михайловичу прожить шесть последних дней.

"Хорошо тут у вас, - улыбнулся он, тронутый сердечным гостеприимством хозяина, и добавил, слегка поострожев: - Но постараюсь излишне вас не стеснять и долго не заживаться..." Последние слова кольнули и чем-то даже испугали Сулина, и он поспешно возразил: "Да что вы, Николай Михайлович, живите сколько надо".

Первый день прошел в разговорах, воспоминаниях. И хотя был

Титульный лист рукописного сборника стихотворений Н.М. Ядринцева "Песни о Родине. Старые мотивы. Написаны Н. Ядринцевым между 1868 и 1876 г."

четверг, Сулин распорядился пропустить баню - и они славно попарились березовым веничком, попили кваску... И спал в эту ночь Ядринцев как убитый, не прибегая к опию, как это в последнее время часто бывало в Петербурге.

А наутро, со свежою головой, отправился к генералу Болдыреву, пробыл у него часа два - и вернулся в отличном настроении. "Ну-с, Яков Андреевич, - весело доложил Сулину, - уговорил я Василия Ксенофонтовича на одну комбинацию... Будем колонизоваться, - и добавил как бы уже для себя, понижав голос: - Поскорее бы Сашенька... Александра Семеновна приехала". Он ждал ее с нетерпением, с какою-то тайной надеждой и глубоко скрытыми колебаниями. А что за "комбинация" он придумал, выяснится скоро, в разговоре с главным подвизником алтайской статистики Сергеем Порфирьевичем Швецовым.

Встретились они вечером того же дня в доме Швецова, который стоял в бору, на крутом берегу Оби. И после обмена малозначащими вопросами и репликами как-то незаметно перешли к главному, ради чего и приехал Ядринцев. "Надеюсь, Болдырев объяснил вам суть нашего стовора?" - спросил он, усаживаясь в плетеное кресло на веранде. Однако Швецов ничего об этом не знал и в свою очередь заинтересовался - что это за стовор? "Вот здесь и зарыта собака! - улыбнулся

Ядринцев, расправляя бороду, и пояснил. - Вы божьей милостью статистик, знаете и любите это дело. И нынешнее предстоящее обследование Алтая - ваша идея. Так вам и карты в руки! А я ваш статистический хомут, багенька, напяливать на себя не собираюсь, увольте! - засмеялся, смущая Швецова. - У меня, знаете, нынче иные планы". Швецов и вовсе смеялся: "Да... но разве вам не известно мое нынешнее положение?" Ядринцев даже встал и прошелся туда-сюда, снова сел и сказал тихо: "Известно. Известно, Сергей Порфирьевич! И я вам больше скажу: не только известно, но и обдумано со всех сторон вместе с Болдыревым. И согласие найдено, если хотите, компромисс. А суть его заключается вот в чем: вас, как полназорного, не могут официально утвердить заведующим, но чинить препятствий в работе не станут. Напротив! А это - главное. Вот потому я и предложил Болдыреву такую комбинацию: я беру на себя всю официальную часть заведования, все, так сказать, представительство по делам алтайской статистики, а вы будете возглавлять все исследовательские работы - и в эту часть я вмешиваться не намерен. Ну, как вам моя комбинация?" - хитро и весело посмотрел. Швецов был ошарашен и сбит с толку таким поворотом: "Право, не знаю, как все это будет выглядеть? Ведь мы вас ждали на место заведующего..." Ядринцев дружески взял его за руку и слегка пожал, точно благоговая: "Прекрасно будет выглядеть! Так что не раздумывайте, а впрягайтесь в работу, впрягайтесь, Сергей Порфирьевич, и с Богом! А я намерен уехать в Повалиху и заняться литературными делами. Замыслов много, а времени остается все меньше..." Швецов удивился: "Но почему Повалиху, Николай Михайлович? - он знал это большое, но ничем особо не примечательное притрактовое село, расположенное верстах в тридцати от города. (Замечу в скобках: меня этот факт поразил вдвойне, ибо Повалиха - мое родное село, где прошло мое военное детство, где учился я в школе. - И.К.). - Чем же вас приворожила Повалиха?" - спросил Швецов. "Бор там хорош, - улыбнулся Ядринцев. - И речка тоже..."

ОН ЯВНО ЧТО-ТО НЕ ДОГОВАРИВАЛ, уходя от главного, не считая нужным уточнить: не бор и речка тому причиной, а женщина, Александра Семеновна Боголюбская, приезда которой он ждал и вместе с которой хотел обосноваться в Повалихе. Ради всего этого и затеяна была "комбинация".

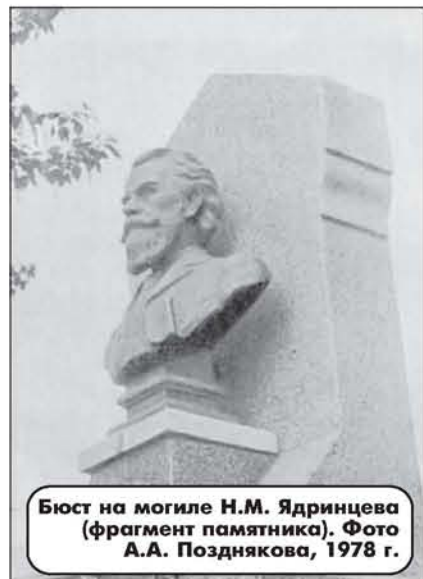
Боголюбская приехала пятого июня. И Николай Михайлович, элегантно подтянутый и торжественно радостный, встретил ее на пристани с огромным букетом свежих пионов. Но эта радость его была последней.

Выяснилось уже вскоре, что Александра Семеновна приехала налегке и долго задерживаться не собиралась. Между ними в тот день произошел тяжелый и неприятный разговор, близкий к ссоре, а может, и к разрыву. "В наших отношениях нет главного, - сказал Николай Михайлович, сильно волнуясь, - нет ясности". Боголюбская отвечала спокойно: "Это неправда! Разве не ясно, что я рвалась сюда... и приехала, ничто меня не могло удержать. Мне хотелось побыть с вами..." Он усмехнулся, перебив ее: "Вот в том и разница: вам только хотелось побыть, а мне хочется быть с вами всегда, постоянно. Понимаете, Сашенька?" Она кивнула: "Понимаю, Николай Михайлович. Но это невозможно сейчас. Мне надо еще в Томске уладить все свои дела, подготовиться..." Ядринцев поморщился, как от боли, да ему и было в тот момент больно. "Значит, вы не готовы? - желчно он спросил. - Но ведь мы договорились. И потом... как же Повалиха? - вдруг вспомнил. - Там же все обговорено: и квартира приличная найдена, и место участкового врача ждет вас... А какие там чудные места, Сашенька!" - ухватился за этот последний довод. "Да,

да, Николай Михайлович, - покивала она согласно, - договорились. И я ни от чего не отрекаюсь. Но дайте мне время, не торопите, пожалуйста. Поверьте, я сама к вам приеду, приду... Обязательно приду! Поверьте". Но он, уже ничему не веря, тихо и мрачно спросил: "Когда?" И она так же тихо ответила: "Не знаю. Дайте мне время".

Николай Михайлович долго сидел неподвижно, будто окаменев, смотрел на нее и не видел - туман застил глаза. "Время? - переспросил как-то странно. - Вы просите у меня время? - проговорил глухо и сдвинуто, словно вырывая из себя каждое слово. - А у меня его уже нет".

Сельского июня, под вечер, Боголюбская снова пришла. И, как рассказывал потом Сулин, встреча была короткой, может, минут двадцать или полчаса, разговор между ними происходил еще более жесткий, бурный - и, чтобы не слышать его, Сулин взял газету и перешел в дальний угол гостиной. И в этот момент появилась Боголюбская, с лицом красным и возбужденным, стремительно пробежала мимо, едва не задев и не заметив его, и вышла, хлопнув дверью. Сулин замер, ожидая теперь появления Николая Михайловича. Но Ядринцев не выходил. Тихо стало - и что-то тревожное, подозрительное было в этой тишине. Сулину, может, следовало войти к Ядринцеву (позже он будет жалеть, что не сделал этого), но он не решился, подумав: пусть не-

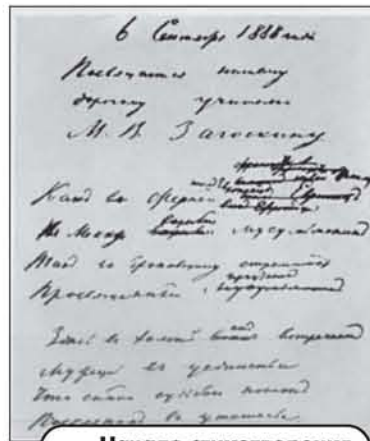
Бюст на могиле Н.М. Ядринцева (фрагмент памятника). Фото А.А. Позднякова, 1978 г.

ронним... но что-то мешало им обоим вести его в направлении, не приводящем к преждевременной могиле... В моих глазах поздний роман Николая Михайловича (Ядринцеву было 52 года, Боголюбской тридцать - И.К.) придал его личности, колоритной и яркой, новые черты, удивительно привлекательные. В самом деле, сколько нужно душевной бодрости и свежести, молодого порыва, чтобы в его годы пережить все перипетии охватившей его страсти, столь бурной и сильной, что она уничтожила его самого! Устраните эту черту, и облик Ядринцева сразу поbledнеет, утратив то, что, может быть, является для него особенно характерным, как потускнел бы и по блек в наших глазах облик И.С. Тургенева и Ф.И. Тютчева, если бы вычеркнуть из их биографии "Последнюю любовь", как назвал ее сам Тютчев..."

И все-таки друзья Николая Михайловича не могли с этим смириться - и все сходились на одном: Ядринцев не должен был кончать так, он не мог не знать, какое он имел значение для Сибири, не мог не знать, как смотрела, что ждала от него родина, которой он отдал лучшие свои силы, что, наконец, заменить его некому... "Не должен - да, но, очевидно, не мог иначе, - мучился этим вопросом и Швецов, - и не нам, его окружавшим тогда, было судить его".

ПОХОРОНИЛИ Ядринцева на высоком Нагорном кладбище, которое давно уже снесено и заотопано. Могила же Николая Михайловича, слава богу, сохранилась - и памятник (великому сибиряку - от сибиряков) на могиле стоит.

А тогда, в день его смерти, друзья решили, как признавался Швецов, "не разглашать всех условий кончины Николая Михайловича, а сообщить, что отравление было случайным..." Эта "версия" довольно долго существовала, дошла и до наших дней. Да и кто мог знать доподлинно все причины и "условия", толкнувшие Ядринцева на этот последний шаг? Разве что Боголюбская... но Александра Семеновна тотчас же после похорон, минутой постояв у разверстой могилы и не положив около, а "решительным и сильным жестом", по словам все того же Швецова, бросив прямо в могилу на гроб Николая Михайловича огромный венок из живой зелени и ярких цветов, повернулась и ушла, вся в черном, густая черная вуаль скрывала ее лицо, села в коляску и уехала на пристань, торопясь к пароходу... И больше уже никто из друзей и знакомых Ядринцева никогда ее не встречал и не слышал о ней ничего. "Бог ей судья, - обронил вслед Швецов и, вспомнив слова Николая Михайловича, сказанные о ней накануне, в минуту отчаяния - "каменное сердце", вздохнул и подумал: "И все-таки они оба друг перед другом виноваты... Бог им судья!.."

Начало стихотворения, посвященного М.В. Загоскину.

много остынет, успокоится. Сулин снова развернул газету, но не читалось. Глянул на часы - было около семи вечера.

Вдруг дверь открылась, и Николай Михайлович, прямой и бледный, перешагнул порог, остановился и как-то странно, ускользающе посмотрел на Сулина, спокойно и медленно проговорил: "Яков Андреевич, простите меня... я только что принял большую дозу опия. Очень большую. Думаю, никакая медицина уже не поможет". Повернулся и ушел в свою комнату.

Газета выпала из рук Сулина. Дом всполошился. Кинулись за доктором. Но все уже было напрасно. Вечером, без четверти десять, Ядринцев скончался.

Позже, разбирая бумаги Николая Михайловича, оставшиеся в комнате на столе, Сулин увидел тетрадный листок со стихами, написанными, судя по всему, накануне случившегося, и поразился их содержанию.

В час заповедный средь друзей
Я поднял жизненный бокал;
Всю жизнь, весь жар души моей
Я перелил в сосуд холодный.
К тебе, мой друг, душой своей,
Душой измученной стремился,
Но кубок тот упал к ногам,
Упал и вдребезги разбился...

И с ним разбилась жизнь моя.
Других записок Ядринцев не оставил. Нет, нет, все-таки он собирался жить! Много лет спустя С.П. Швецов, вспоминая об этих последних шести днях Ядринцева и его отношениях с Боголюбской, утверждал: "Роман не был односто-